

Lucija Abdullina

О некоторых параллелях в польской и русской поэзии XIX-XX вв. : (поэма Густава Зелинского "Киргиз" и русский перевод Георгия Гребенщикова)

Acta Polono-Ruthenica 19, 7-16

2014

Artykuł został opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach dozwolonego użytku.

Lucija Abdullina

Wschodniokazachski Uniwersytet Państwowy im. Amanżołowa
w Ust-Kamenogorsku

**О некоторых параллелях в польской
и русской поэзии XIX–XX вв.
(поэма Густава Зелинского *Киргиз* и русский перевод
Георгия Гребенщикова)**

Предметом нашего интереса в аспекте польско-казахстанских литературных соответствий выбрана поэма Густава Зелинского *Киргиз* и ее перевод русскоязычным поэтом Казахстана Георгием Гребенщиковым. В истории польской литературы Густав Зелинский (1809–1881), значителен „в ряду второстепенных писателей-романтиков середины XIX века”¹, вместе с тем, исследователи его творчества отмечают, что поэма *Киргиз* имела популярность среди современников и впоследствии была переведена на несколько европейских языков. В Польше в 1956 г. вышло двадцать второе издание поэмы в оригинале.

Поэтическое наследие Г. Зелинского невелико: поэмы *Киргиз* и *Степи*, *Конь бедуина*, *Антар*, *Восточная легенда*, историческая драма *Збигнев*, ряд стихотворений. Литературный путь ограничивается периодом его пребывания в ссылке. И только благодаря одному произведению Зелинский вошел в ряд классиков. Согласно *Новому энциклопедическому словарю* Брокгауз-Ефрон, поэма *Киргиз* дала Густаву Зелинскому „место среди классиков польской литературы по непреходящей свежести, оригинальности и поэтичности как содержания, так и формы”. Автор словарной статьи отмечает: „яркие и сильные картины степной природы соответствуют столь же ярким и сильным психологически-бытовым чертам обитателей степи; столь же первобытно дика и стихийна драма, разыгрывающаяся среди них”². Достаточно общая характеристика романтической

---

¹ Я. Одровонж-Пененжек, *Пушкин и польский романтик Густав Зелинский*, [в:] *Пушкин. Исследования и материалы*, Москва – Ленинград 1958, т. 2, с. 362–368, [online] <<http://feb-web.ru/feb/pushkin/serial/is2/is2-362-.htm>>.

² *Новый энциклопедический словарь*, изд. Брокгауз-Ефрон, т. VIII, с. 417.

стилистики текста поэмы не раскрывает художественных достоинств произведения и практически не объясняет причины популярности поэмы среди многочисленных романтических поэм с аналогичным сюжетом и системой персонажей.

Поэма *Киргиз* появилась в Вильно (Литва) в 1842 г. и, действительно, стала заметным событием в литературной жизни Польши. Не имея доступа к архивам, остановимся только на генеалогии автора: старинный шляхетский род и дворянское происхождение Зелинского объясняют свойственный ему буквально на уровне культурно-генетического кода дух патриотизма и независимости. Известные, благодаря исследованиям Януша Одровонж-Пененжека и Фаины Стекловой факты биографии (участие в восстании против царизма, поддержка повстанцев и последовавшая ссылка) демонстрируют свободолюбивую и страстную личность Зелинского. Пребывание Зелинского в сибирской ссылке (после ареста, лишения всех прав, конфискации имущества) напоминает историческую биографию русских революционеров-декабристов с насыщенной интеллектуальной деятельностью на поселении.

Зелинский почти год прожил в Тобольске, затем около семи лет – в Ишиме (1835–1842). Здесь, на чужой земле, вдали от дома, началось и в какой-то степени завершилось формирование его поэтического дарования, о чем вполне точно высказался в начале XX в. литературовед Генрих Галле: „Живой проблеск таланта Зелинского разгорелся и погас в степях киргизских”³. Что же послужило причиной и поводом к возникновению и развитию литературного дара Зелинского. Януш Одровонж-Пененжек в цитированной уже нами статье называет круг общения поэта-изгнанника: польские ссыльные Адольф Янушкевич, друг Адама Мицкевича, автор путевых заметок о Казахстане, собиратель казахского фольклора, и Онуфрий Петрашкевич, один из основателей Общества филоматов. Исследователь, анализируя круг чтения Зелинского, делает заключение о наличии тесной связи его поэмы *Киргиз* с русской романтической поэзией (*Киргизский пленник. Повесть в стихах* Н. Муравьева, *Кавказский пленник* А. Пушкина), о чем свидетельствует сходство сюжетных линий, принципы обрисовки характеров: *Киргиз* Зелинского питался идеями русской поэзии, в частности восточных, «кавказских» поэм Пушкина, Лермонтова *Мцыри*, *Измаил-Бей*⁴.

³ Цит. по кн. Т.П. Савченкова, *Ишим и литература. Век XIX-й. Очерки по литературному краеведению и тексты-раритеты*, Издательство Ишимского государственного института им. П.П. Ершова, Ишим 2004, с. 253, [online] <www.erшов.ishimkultura.ru>.

⁴ Я. Одровонж-Пененжек, *op. cit.*

Материалы личных дневников Зелинского, которые тщательно изучил Одровонж-Пененжек, дают основание критику-биографу заключать, что начинающего поэта интересовала не только этнографическая обстановка и уклад жителей степи, но их переживания и представления. Достоверность бытописанию придают и использованные поэтом обиходные слова тюркского происхождения: „чадра”, „ергак”, „курдюк”, „калым”, „кумыс” и пр., которые поясняются в словаре местных понятий и терминов, сопровождающем текст.

На то, что это было не праздное любопытство образованного аристократа, указывают прочитанные Зелинским отрывки из обстоятельного труда *Описание киргиз-кайсацких или киргиз-казацких орд и степей* под заглавием *Этнографические известия* (1832), опубликованные в „Литературной газете”, которые Зелинский читает одновременно с изучением трудов по философии и социологии. Автора, очевидно, интересовала не только местная экзотика, но и сама философия свободы.

В записных книжках Зелинского этого периода есть заметки о чтении им русских журналов „Современник”, „Журнал министерства народного просвещения”, „Москвитянин”. Таким образом, литературная среда, круг чтения формируют художественный вкус и творческий интерес Густава Зелинского к этнографической экзотике, окружавшей его и питающей любопытное воображение, личные наблюдения над реалиями аульной жизни казахов, называвшихся тогда киргизами, в окрестностях Ишима выводили дворянина-чужеземца на более масштабные размышления.

Сделав именно казаха героем своей поэмы, выбрав для названия своего произведения эту нарицательную номинацию, обозначив ею в одном лице обобщенно весь народ, думается, Зелинский не ограничивался целью воссоздать романтическую атрибутику. Идея вольности и ее свободолюбивый персонаж-символ выступают предметом философско-эстетического исследования автора.

Не будем пересказывать сюжет поэмы *Киргиз* – он довольно схематичен и условен, в романтической стилистике раскрыт характер главного героя, решен конфликт поэмы, использован типовой арсенал художественных средств описания. Что же отличает поэму Зелинского от аналогичных романтических произведений и объясняет сохраняющийся интерес к ней?

Узнаваемые этнографические детали создают устойчивую атмосферу достоверности времени и пространства и переключают внимание читателей непосредственно на побег главного героя из плена как единственно

возможный для него жизненный выбор. Лирическая интонация повествования поэмы не дает описываемым событиям, монологам и диалогам превратиться в отлитые формы романтических клише.

Описания бескрайних степных просторов и безымянный герой позволяют автору вывести бытовую сюжетную коллизию на другой, философско-ментальный, уровень. Главный персонаж обозначен в поэме только нарицательно: „киргиз” в заглавии и „Всадник” в самом тексте. Далее, показывая героя среди соплеменников, радушно принимающих гостя, автор так и не наделяет его индивидуальностью – именем собственным – какое, к примеру, есть у его возлюбленной – красавица Демеля, дочь главы этого племени. Сам же глава назван тоже нарицательно: просто Бием, его личный шаман – Старцем.

В поэме автор использует все три временных плана: настоящее, будущее и прошлое. Будущее возникает в пророческой песне Старца-шамана о путешествии (своем и Бия) на коне Пелигване в небеса, где уготована гибель хозяину аула от молнии, то есть молодого гостя. Прошлое рисуется в восприятии Бия в сценах убийства и мести. Вот здесь-то герой Зелинского и совершает свой главный выбор – зная о коварном замысле отца, Всадник, из любви к Демеле, отказывается от кровной мести и уговаривает девушку бежать. Бий пускается за ними в погоню, но, не сумев догнать, устраивает степной пожар, в котором влюбленные погибают. Всадник остается свободным только вне времени и пространства.

Историей „русского” *Киргиза* занимались уже названный нами польский литературовед Януш Одровонж-Пененжек и алма-атинская исследовательница творчества Зелинского Фаина Ивановна Стеклова. Ими установлено, что в 1843 г. журнал „Денница”, издаваемый Петром Дубровским в Варшаве, представил фрагмент *Киргиза* в польском оригинале и в русском параллельном прозаическом переводе. Поэма вновь привлекла к себе внимание русских переводчиков в 1872 г.: в журнале „Дело” НД. [В.И. Немирович-Данченко] поместил *Отрывок из поэмы „Киргиз” (С польского)*, сопроводив „примечанием переводчика”, в котором, между прочим, говорится: „Прекрасная польская поэма *Киргиз*, окончание которой мы перевели, давно известна всем любителям славянской поэзии”⁵.

В 1910 г. товарищество „Бытовая Сибирь” в Томске издало полный перевод поэмы на русский язык, который сопровождался этнографически

---

⁵ Ф.И. Стеклова, *Густав Зелинский – автор поэмы „Киргиз”*, [в:] *Филологический сборник*, Алма-Ата 1963, вып. 2, с. 196–209.

точными рисунками художников Г. Гуркина и В. Белослодова. Переводчик – Георгий Дмитриевич Гребенщиков, уроженец Восточного Казахстана, популярный в 1910–20-х гг., большую часть жизни провел за рубежом, многие его произведения на родине не издавались.

Гребенщиков в предисловии к своему переводу писал: „Чуткий и талантливый автор поэмы *Киргиз* – польский поэт Густав Зелинский, бурю событий 1831 года заброшенный к нам в Сибирь, а затем и в Киргизские Степи, окружая романтический сюжет своей поэмы столь разнообразной и узорчато-нежной рамкой из душистых и живых цветов степной жизни, будто знал, что в наши дни она не даст уже ни тех ярких образов, ни тех звучных мелодий, какие вдохновляли поэта еще так сравнительно недавно. Обширный и оригинальный мир кочевника киргиза, еще недавно находившийся в полном расцвете поэтической воли – быстро на наших глазах начинает блекнуть [...]”⁶.

Несколько слов о Гребенщикове: изучать историю и культуру Степи он начал как этнограф и фольклорист, занимался собиранием и литературной обработкой легенд, притчей, сказок. Биографы Гребенщикова вполне обоснованно утверждают, что с переводом поэмы Зелинского *Киргиз* мотивы казахской степи прочно входят в творчество Г.Д. Гребенщикова. В предисловии к своему переводу он четко формулирует свою авторскую позицию: „Пройдет еще немного лет и полная поэзии кочевая жизнь превратится в скучную прозу безропотной ноши мужицкого ярма, под тяжестью которого уже не воскреснут смелые взмахи минувшей удали, и умрут последние воспоминания о былых красотах степного простора”⁷.

Так же, как и Зелинский, Гребенщиков пишет много публицистических работ и этнографических очерков, в которых рассказывает историю Степи. Созданные им реалистически достоверные образы степняков формируют индивидуальную стилистику его художественного наследия. Лучшим произведением Гребенщикова „из жизни киргиз” является отчасти автобиографическая повесть *Ханство Батырбека*, впервые изданная почти в то же время, что и работа над переводом *Киргиза* – в 1912 г.

Гребенщиков был потомком хана-кочевника по имени Тарлыкан или Тарухан, о чем с нескрываемой гордостью писал в своей биографии, а в эмиграции подтвердил выбором для себя изотерического имени Тарухан. Любовь к казахской степи с вольной жизнью ее обитателя подкупает своей

⁶ Цит. по кн. Т.П. Савченкова, *Ишим и литература...*

⁷ Г. Зелинский, *Киргиз. Поэма*, перевод с польского Г. Гребенщикова, Томск 1910, с. 3.

искренностью читателя в повестях и рассказах: *Болекей-ульген, Ханство Батырбека, На Иртыше, В тиши степей, Степные вороны*. Отражая в них реальные процессы в национальных окраинах царской России, Гребенщиков не акцентирует на социальном аспекте жизни казахов – он решает конфликты Степи в общечеловеческом масштабе. Впоследствии оказавшись после революции за границей, писатель продолжает писать о судьбе Степи, пытаясь найти решение ее сложных проблем. Крайнее выражение противоречий Евразии – военные столкновения, расправы – предмет художественных исследований Гребенщикова в начале 30-х гг. В 1933 г., работая в Соединенных Штатах Америки, он пишет стихотворение в прозе о киргизском народе: „О, киргиз, киргиз! Замкнутого небом степи тебя не знает мир. Всадник от рождения, богатырь-певец от колыбели, в погонях и набегах храбрец, непокорный пленник и учтивый гость, щедрый хозяин, гостеприимный даже для врага, не прощающий ничьих неправых оскорблений кровавый мститель, – ты, киргиз, не вероломен в рыцарской любви. И хоть от времен творения женщина для тебя – рабыня – она же для тебя и божество, священная причина радости земного бытия и символ достижений бытия загробного. Лишь своей верностью к возлюбленным киргизские богатыри стяжали и непобедимость и бессмертие”⁸. Мы не случайно привели весь текст стихотворения, чтобы иллюстрировать неслучайность этой темы в контексте творчества Г.Гребенщикова, а началась эта тема в связи с переводом поэмы Зелинского.

Впоследствии Георгий Гребенщиков издал полный стихотворный перевод *Киргиза*; в предисловии к своему изданию, говоря о Зелинском, этом, по его словам, „чутком и талантливом... польском поэте”, „бурею событий... заброшенном к нам в Сибирь, а затем и в киргизские степи”, Гребенщиков писал: „Впервые прослушав «Киргиза», я невольно полюбил его и искренно пожалел, что наша литература не только не имеет его в переводе, но почти и не знает о нем, и только поэтому, несмотря на свои скромные силы, я рискнул дать «Киргиза» в русском переводе”⁹.

Называя свои силы „скромными”, поэт скорее пытался объяснить выбранную им манеру перевода, не адекватную оригиналу с точки зрения строфики и размера. Что же имел в виду Гребенщиков, назвав Зелинского „чутким и талантливым польским поэтом”? На наш взгляд, перевод Гребенщикова точно передает этнографический колорит и ритмику не

⁸ Г. Гребенщиков, *Сто племен с единым. Churaevka*, Southbury Conn. 1933.

⁹ Г. Зелинский, *Киргиз. Поэма...*

польского источника, но напрямую самого предмета вдохновения Зелинского: „Степь, степь, родная степь”.

При описании побега юноши Гребенщиков добавляет к характеристике Зелинского штрихи-детали, понятные поэту, выросшему в степи, для которого „тоска унылая” находится вдали от степи вольной в „юртах каменных”. Поэт-переводчик мыслит образами степняка: показывая, что человек и конь, оба „беглеца”, вырвавшись, мчатся „без дорог – по зову сердца. /На простор степей родимых [...] Гладь степная бездорожна /И Джигит, как в детстве раннем, /Путь искал по звездам неба”¹⁰.

Природа, как и подобает фольклорным образам и романтическим канонам, «сочувствует» героям: „И, качнувшись, вслед кивают /Им цветы, всплакнув росой.../И, загладив след побега. /Дремлет вновь трава степная – /И молчит, скрывая тайну”.

Романтическая стилистика во всем: степные мотивы, образ юноши-киргиза – „вольного сына степей”, образы беркута и коня, неизменных путников казаха-степняка.

Период создания поэмы-перевода отмечается активными поисками Гребенщиковым жанровых форм самовыражения, поскольку просветительская и романтическая традиции не отвечают запросам времени и, в первую очередь, не дают ответов на вопросы самого автора. В публицистике, пишет ряд этнографических очерков. „Века и тысячелетия плелась степная сказка мирных кочевых аулов. Тысячелетия одни и те же ковыли, изредка сгорая, вновь своими шепотами убаюкивали тишину давно уснувших здесь легенд. Приходили, уходили племена, проходили мимо, проносились буйным ураганом вооруженные полки завоевателей и снова на столетия все засыпали, чтобы в мирной жизни кочевых народов медленно слагалась бы и утверждалась новая легенда”¹¹.

И эти напевы очень близки самому автору: „О, киргизские напевы. /Сердцу близкие мотивы!”. Степные напевы пронизаны любовью к родине: „К степи руки простирая.../Жадно пил он степи воздух”. Звучит в тексте гребенщиковского перевода сокровенная мысль, которую он неоднократно высказывает и в своих очерках: киргизы не привыкли никому покоряться, и авторская тревога в поэме интонирована в поэме в исторической перспективе:

¹⁰ Т.П. Савченкова, *Ишим и литература...*

¹¹ Г. Гребенщиков, *op. cit.*

О, отцы степей седые.
Старины святой кумиры.
Долго ль будут жить напевы.
Что и ваш покой ласкают?..

О том насколько удалось Гребенщикову передать исконный дух и природу свободолобивой природы казаха, убедительно иллюстрирует, на наш взгляд, факт перевода в 1964 г. А. Ахметовым поэмы Г. Зелинского на казахский язык с издания Г.Д. Гребенщикова 1910 г. В то самое время, в этом же году, в Казахстане вышла *Степь* Г. Зелинского, переведенная Ю.И. Черницко-Ановой и Т. Жароковым с польского издания 1956 г.

Русский перевод, сделанный Г. Гребенщиковым, вызывает, на наш взгляд, интерес не столько в плане его адекватности тексту-источнику, сколько наличием сходства в авторской позиции двух поэтов. Польского поэта середины XIX века Г. Зелинского вдохновила на творчество колоритная фигура и личность киргиза в ореоле романтического интереса к экзотике быта. Детально выписанный этнографический план поэмы позволяет сделать предположение об авторской задаче установить природу целеустремленной натуре своего персонажа, мотивы его поступков, вопреки всяким запретам. В известной степени руссоистский дискурс судьбы юноши-киргиза углубляется за счет параллели самой идеи свободы/несвободы с авторской биографией. Положение ссыльного поэта обостряет восприятие и личную трактовку самой идеи свободы, именно это придает вполне расхожему романтическому сюжету поэмы Зелинского жизненную силу и достоверность и именно этим привлекает внимание переводчиков и исследователей. Этот же факт, по нашему мнению, объясняет и „конец” литературной биографии автора после окончания его ссылки и возвращения на родину.

Гребенщикова, поэта совершенно другой исторической эпохи и ментальности, также привлекала личность главного героя как субъекта художественного исследования. Внутренняя свобода юноши-киргиза, которую сумел передать польский поэт, нашла самый искренний отклик в поэтической душе Гребенщикова. Вдохновленный текстом Зелинского, русский поэт создает свой вариант перевода, т.е. такой, в котором не ставится задача максимально передать содержание текста-источника. Не случайно в томском издании поэмы Зелинского (1910) отмечается, что „перевод Гребеньщикова не блещет большими поэтическими достоинствами”. Рецензент указанного издания сравнивает: в поэме Зелинский

„красивым, звучным стихом передает природу и жизнь степи”, а „перевод, сделанный белыми стихами, страдает метрическими и стилистическими погрешностями”¹².

Гребенщиков, свободно владеющий казахским языком и хорошо знающий жизнь и быт своих земляков, мог создать оригинальное художественное произведение, основанное на собственном видении ситуации без опоры на текст-первоисточник. Но Гребенщикову понадобилась отсылка к польскому автору благодаря как бы удвоенному результату в решении концептуального эстетического вопроса.

Мы считаем вполне обоснованным сделать следующие замечания относительно обнаруженных параллелей в польской и русскоязычной поэзии Казахстана. Прежде всего, интерес обоих писателей к быту и культуре неродного народа продиктован этнографической экзотикой, восходящей к характерной для времени Зелинского романтической традиции. Для поэта-переводчика Гребенщикова, генетическими корнями уходящего в родословную историю казахского (киргизского) народа, этот интерес многократно возрастает. Однако и того, и другого литератора волнует общечеловеческий и философский смысл поступка, действия свободной личности. В аспекте авторской идентичности исключительно важной является проблема, насколько ограничивает свободу личности любая форма цивилизации, и этот вопрос оба поэта решают в границах авторской эстетики.

Streszczenie

O wybranych paralelach w polskiej i rosyjskiej poezji XIX–XX w. (poemat Gustawa Zielińskiego „Kirgiz” i rosyjskie tłumaczenie Georgija Griebienuszczikowa)

W niniejszym artykule przeprowadzone zostały artystyczne paralele między poematem *Kirgiz* autorstwa polskiego poety okresu romantyzmu G. Zielińskiego z jego rosyjskim tłumaczeniem przez kazachstańskiego dwudziestowiecznego poetę-etnografa G. Griebienuszczikowa. Analizie poddano także kwestię etnograficznej fascynacji egzotyką życia. Idea wolności, którą w utworze ucieleśnia młody Kirgiz, zainspirowała obu poetów. Romantyczna tradycja, liryczna swoistość tekstów zyskują autentyczność dzięki etnograficznym realiom stepowego krajobrazu.

¹² „Правительственный вестник”, № 11, 15 января 1911 г.

Summary

*Parallels in the Polish and Kazakhstan Russian-speaking poetry of the XIX–XX centuries:
G. Zelinsky and G. Grebenshchikov*

In this article on a material of the poem *Kyrgyz* of the Polish poet of the XIX century G. Zelinsky and its Russian translation by the Kazakhstan writer-ethnographer of the XX century G. Grebenshchikov the creative nature of the ethnographic interest is researched. The idea of freedom embodied in the image of young Kyrgyz inspired both artists. The romantic color and lyrical identity of the texts find realistic dimensions due to the ethnographic realities of a steppe landscape.

Key words: romanticism, literary tradition, motives of a liberty, ethnographic color.